

КЛАСИКА
и
ДЕТЕКТИВА

Дик
Фрэнсис

ВЫСОКИЕ СТАВКИ
♦
РЕФЛЕКС ЗМЕИ
♦
БАНКИР

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф 93

Dick Francis
HIGH STAKES
Copyright © 1975 by Dick Francis
REFLEX
Copyright © 1980 by Dick Francis
BANKER
Copyright © 1982 by Dick Francis
This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Наталии Некрасовой, Анны Хромовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-20892-6

© А. С. Хромова, перевод, 1999, 2009
© Н. В. Некрасова, перевод, 1999
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

ВЫСОКИЕ СТАВКИ

ГЛАВА 1

Я смотрел на своего друга и видел перед собой человека, который меня предал, обманул и ограбил. Ужасно неприятно. Хуже не бывает.

Джоди Лидс глядел на меня, все еще улыбаясь, все еще не веря.

— Чего-чего?

— Я забираю своих лошадей, — повторил я.

— Но... но я же твой тренер! — ошеломленно воскликнул он.

Весь его тон и выражение лица говорили о том, что порядочные владельцы лошадей своих тренеров не бросают. — Это просто невозможно! Только психи или бессердечные скупердяи таскают своих лошадей из конюшни в конюшню, а я ведь не был ни тем ни другим...

Мы стояли перед весовой ипподрома в Сэндаун-парке, и мимо нас поспешно проходили жокеи с седлами и номерами в руках, торопясь на очередной заезд. Было холодно и ветрено. Джоди ежился в своей дубленке и время от времени встряхивал непокрытой головой. Прямые каштановые волосы падали ему на лицо тонкими прядками, и Джоди раздраженно откидывал их назад.

— Да ты что, Стивен? — сказал он. — Не валяй дурака!

— Я серьезно.

Джоди. Невысокий, крепенький, двадцати восьми лет от роду, очень трудолюбивый, очень умный, толковый и пользующийся большой популярностью. Он был постоянным моим советником с тех пор, как я три года тому назад впервые начал держать лошадей. И с самого начала он с дружелюбной улыбкой обдирал меня как липку.

— Ты с ума сошел! — сказал Джоди. — Я же принес тебе победу!

Мы и в самом деле стояли на лужайке, где расседлывают победителей. Улыбающийся жокей только что спрыгнул с Энерджайза, моего последнего приобретения, самого лучшего из моих стиллеров, и теперь Энерджайз рыл землю копытом и гордо встряхивал головой, принимая как должное восторги толпы.

Выигранная им скачка была не особенно значительной, но то, как он ее выиграл, было достойно звезды экстракласса. Когда я увидел, как он мчится в гору к финишному столбу, точно темно-гнедая стрела, я ощутил непривычный прилив радости, восторга... быть может, даже любви. Энерджайз был красив, отважен и переполнен волей к победе. И именно потому, что он выиграл, и выиграл так блестяще, я наконец решился открыто порвать с Джоди.

Хотя, наверно, следовало бы выбрать более удачное место и время...

— Это ведь я купил для тебя Энерджайза на аукционе! — сказал Джоди.

— Я знаю.

— И всех прочих твоих лошадей, которые брали призы.

— Да.

— Это из-за тебя мне пришлось переехать в новые, более просторные конюшни!

Я коротко кивнул.

— Ты... ты просто не можешь бросить меня сейчас!

Ошеломленность уступила место гневу. В ярко-голубых глазах вспыхнул воинственный блеск, лицо закаменело.

— Я забираю лошадей, — повторил я. — И начну с Энерджайза. Можешь оставить его здесь.

— Ты с ума сошел!

— Нет.

— И куда же ты его в таком случае отправишь?

На самом деле я не знал. Потому сказал просто:

— Я все устрою. Оставь его в конюшне и отправляйся домой без него.

— Ты не имеешь права! — взорвался он. — Дерьмо вонючее!

Право я имел. Он это знал, и я тоже. Любой владелец имеет право в любое время отказаться от услуг тренера, если он им

недоволен. Правда, правом этим пользовались крайне редко, но это уже другой вопрос. Джоди весь кипел от ярости.

— Я забираю лошадь с собой, и ничто меня не остановит!

Именно его настойчивость окончательно убедила меня, что позволять ему это делать не следует. Я решительно покачал головой. И сказал:

— Нет, Джоди. Лошадь останется здесь.

— Через мой труп!

Пока что Джоди был более чем жив. Он готов был ринуться в драку.

— Отныне и впредь, — сказал я, — я отменяю твое право действовать от моего имени. Прямо отсюда я пойду в весовую и сообщу об этом всем официальным лицам, которым следует это знать.

Он уставился на меня исподлобья.

— Ты мне должен! — сказал он. — Ты не можешь забрать своих лошадей, пока не заплатишь!

Я каждый месяц аккуратно оплачивал присылаемые им счета, так что должен я ему был только за последние несколько недель. Я достал из кармана чековую книжку и снял колпачок с ручки.

— Прямо сейчас и выпишу чек.

— Черта с два!

Он вырвал у меня из рук всю чековую книжку, разодрал ее пополам и перебросил через плечо. Обрывки чеков тут же разлетелись по ветру. Люди начали изумленно оборачиваться в нашу сторону, репортеры резко оживились. Если бы я хотел, чтобы о нашей ссоре знали все, я не мог бы найти более подходящего места. А ссора постепенно приобретала характер сенсационного скандала.

Джоди огляделся. На глаза ему попались люди с блокнотами. Он увидел в них своих союзников.

Он решил сделать мне пакость.

— Ты об этом пожалеешь! — воскликнул он. — Я тебя в порошок сотру!

Куда и делась вся его улыбочивость и дружелюбие, которым он лучился всего минут пять тому назад! Даже если я отступлю и извинюсь, прежних связей уже не восстановит. Доверие разбилось, как Шалтай-Болтай, и его уже не собрать.

Его яростное сопротивление заставило меня зайти дальше, чем я намеревался. Впрочем, цель моя осталась прежней, хотя для того, чтобы ее достичь, придется приложить больше усилий...

— Как бы то ни было, — сказал я, — мои лошади у тебя не останутся.

— Ты меня разоришь! — возопил Джоди.

Репортеры придвинулись на пару шагов. Джоди покосился на них. Лицо его злобно исказилось.

— Вам, проклятым богатеям, все равно, что будет с простым человеком!

Я резко развернулся, ушел в весовую и исполнил свое обещание: официально отказался от его услуг тренера. Я подписал документы, лишаящие его права действовать от моего имени, и на всякий случай добавил к ним еще записку, в которой специально подчеркивалось, что я недвусмысленно запретил ему увозить Энерджайза из Сэндаун-парка. Никто не отрицал, что у меня есть такое право, но чувствовалось, что к человеку, который так внезапно и решительно отказался от услуг тренера, десять минут назад принесшего ему очередной приз, относятся весьма прохладно.

Я не стал им говорить, что мне, чайнику, потребовалось очень много времени, чтобы посмотреть фактам в лицо и понять, что меня надувают. Я не стал рассказывать, как отметал в сторону первые подозрения, считая их недостойными нашей дружбы, как я изо всех сил старался оправдать Джоди, пока у меня не осталось никаких сомнений.

Я не стал говорить, что одной из причин моей непреклонности было то, как именно Джоди среагировал на мое заявление, что я забираю лошадей.

Он ни тогда, ни потом не задал одного, самого естественно-го вопроса.

Он не спросил, почему я это делаю.

Когда я вышел из весовой, ни Джоди, ни репортеров на прежнем месте уже не было. Зрители торопились к трибунам, смотреть главную скачку дня, и даже распорядители, с которыми я только что имел дело, поспешно направились туда же.

Мне не хотелось смотреть скачку. Я решил вместо этого сходить к ипподромной конюшне и сказать сторожу, чтобы он ни

в коем случае не позволял уводить Энерджайза. Но поскольку сторож сидел у конюшни в основном для того, чтобы не пускать внутрь всяких подозрительных чужаков, а не затем, чтобы мешать кому-то выводить оттуда лошадей, я не был уверен, что от него будет какая-то польза, даже если он и согласится помочь.

Сторож сидел у себя в будке. Человек средних лет, крепкий, коренастый, в темно-синей форме с медными пуговицами. На стенах висели какие-то списки, приколотые к специальным дощечкам, электрокамин вел безнадежную битву с декабрьским холодом.

— Извините, — сказал я, — я хотел бы узнать насчет лошади...

— Сюда нельзя! — перебил сторож начальственным тоном. — Владельцам без тренеров входить не положено!

— Я знаю, — сказал я. — Я просто хотел предупредить, чтобы мою лошадь не увозили.

— Это какую?

Ему явно нравилось перебивать и одергивать, как и многим людям, наделенным мелкой властью. Он принялся дышать на замерзшие руки, глядя на меня без малейшей любезности.

— Энерджайза, — ответил я.

Он поджал губы и задумался, стоит ли отвечать. Видимо, никаких причин не отвечать не было, кроме врожденного нежелания кому-то помогать, потому что в конце концов он неохотно ответил:

— Это черный такой, которого Лидс тренирует?

— Да.

— Так его уже увезли, — сказал сторож.

— Увезли?!

— Ну да. Конюх его увел, пару минут тому назад. — Он дернул головой в сторону дорожки, ведущей к стоянке фургонов для перевозки лошадей. — И Лидс с ним был. Я так думаю, что они уже уехали.

Эта мысль его, похоже, порадовала, потому что он улыбнулся.

Я оставил его с его кислым удовлетворением и бегом помчался по дорожке. Она вела через кусты и выходила на засыпанную гравием площадку, где как попало стояли десятки фургонов.

Фургон Джоди был бежевый, с алыми полосами по бокам. И он уже сдвинулся со своего места и разворачивался, чтобы проехать к воротам.

Я осторожно положил на землю свой бинокль и припустился бегом. Пробежал первый ряд машин, выскочил в проход и увидел, что фургон Джоди уже почти развернулся ярдах в тридцати от меня и едет прямо в мою сторону.

Я встал у него на пути и замахал руками, приказывая шоферу остановиться.

Шофер меня знал достаточно хорошо. Звали его Энди-Фред. Он регулярно возил моих лошадей. Я видел его лицо, напряженное и испуганное. Он принялся лихорадочно жать на гудок.

Я не обратил внимания на гудки, уверенный, что он остановится. По одну сторону от нас был высокий деревянный забор, а по другую — ряды фургонов. Через пару секунд я понял, что Энди-Фред, видимо, забыл, для чего существуют тормоза, и мне пришло в голову, что, возможно, Энерджайза увезут не через труп Джоди, а через мой собственный.

И все же я не двинулся с места, скованный не столько страхом, сколько яростью.

Слава богу, у Энди-Фреда нервы не выдержали первыми, но в самое последнее мгновение. Он крутанул баранку, когда массивная решетка радиатора была уже футах в шести от моей груди и рев дизеля громом гремел у меня в ушах.

Тормозить было поздно. Свернув, он врезался прямо в кабину одного из фургонов. Раздался визг тормозов, скрежет металла, и дверцы кабин обоих фургонов сцепились намертво. Во все стороны полетели бритвенно-острые осколки стекла. Мотор захлебнулся и заглох.

Бампер фургона Джоди меня миновал, но гладкое крыло все же зацепило меня, когда я запоздало отскочил. Я отлетел в сторону, врезался в забор и некоторое время лежал, переводя дух.

Энди-Фред, живой и невредимый, выскочил из непострадавшей дверцы своей кабины и бросился ко мне со смешанным чувством страха, ярости и облегчения.

— Ты, блин, соображаешь, что ты делаешь? — заорал он.

— Почему... — с трудом выдавил я, — почему ты не остановился?

Похоже, он меня не услышал. Во всяком случае, не ответил. Вместо этого он обернулся навстречу разъяренному Джоди, который мчался к нам вдоль фургонов, с той же стороны, откуда появился я.

Когда Джоди увидел разбитую машину, его буквально затрясло и он принялся поливать Энди-Фреда руганью.

— Недоумок! — вопил он. — Мать твою так...

— А чего мне было делать? — орал в ответ шофера. — Он у меня прямо на дороге стоял!

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не останавливался!

— Я бы его задавил!

— Не задавил бы!

— А я те говорю, задавил бы! Он стоял прямо на дороге! Стоял, и все!

— Если бы ты не остановился, он бы отскочил! Недоумок! Идиот! Ты только погляди, что ты натворил, мать твою...

Они кричали на всю стоянку. Издалека доносился усиленный репродукторами голос комментатора, рассказывающего о ходе стипль-чеза. За забором, на Гилдфордском шоссе, ведущем в Лондон, гудели машины. Я неловко поднялся с холодного гравия и прислонился к некрашеному забору.

Я ничего себе не сломал. Дыхание постепенно восстанавливалось. Единственный ущерб — это что с моего пальто оторвались все пуговицы. На том месте, где они были пришиты, красовался ряд прямоугольных дырочек — пуговицы отлетели с мясом. Я поглядел на них — и понял, что мне сильно повезло.

Энди-Фред во всю глотку объяснял Джоди, что он, Энди-Фред, не собирается никого убивать, чтобы угодить ему, Джоди.

— Ты уволен! — проорал Джоди.

— Ну и ладно!

Энди-Фред шагнул назад, посмотрел на помятый фургон, взглянул на меня, потом на Джоди, придвинулся поближе к нему и снова рявкнул:

— Ну и ладно!

И, не оглядываясь, ушел в сторону конюшен. Теперь внимание и ярость Джоди резко переключились на меня. Он решительно шагнул в мою сторону и завопил:

— Я на тебя за это в суд подам!

— Почему бы тебе не посмотреть, в порядке ли лошадь? — спросил я вместо ответа.

Я говорил достаточно тихо, и Джоди, успевший за сегодняшний день привыкнуть к крику, меня не услышал.

— Чего?

— Энерджайз! — сказал я, уже громче. — С ним все в порядке?

Джоди глянул на меня с горячей ненавистью и бросился к фургону. Я последовал за ним, хотя и медленнее. Джоди отворил дверцу, предназначенную для конюха, подтянулся и забрался внутрь, я — следом.

Энерджайз стоял, дрожа с головы до ног, и дико косил глазом. Джоди погрузил его в фургон, когда он еще не успел остыть после скачки и был совершенно не готов к перевозке; а это столкновение окончательно его доконало. Но тем не менее он удержался на ногах. Джоди с тревогой осмотрел его, но никаких повреждений не нашел.

— Если бы он покалечился, то по твоей вине! — с горечью бросил он.

— Нет, по твоей.

Мы смотрели друг другу в лицо в тесном фургоне, тихом оазисе, защищенном от ветра.

— Ты меня обворовывал, — сказал я. — Я сперва не хотел верить. Но впредь... Больше я не дам тебе возможности это делать.

— Ты ничего не докажешь!

— Быть может. Быть может, я и пробовать не стану. Быть может, я просто буду считать все, что я потерял, ценой собственной глупости. Мне не следовало слишком доверяться тебе.

— Я так много для тебя сделал! — негодуя сказал Джоди.

— И так много из меня вытянул...

— А ты чего ждал? Тренеры работают не из любви к искусству!

— Не все тренеры делают то, что делал ты.

В его глазах внезапно появилась задумчивость.

— Ну и что же я такого сделал? — осведомился он.

— Ты сам знаешь, — сказал я. — Ты даже не попытался отрицать, что надувал меня.

— Слушай, Стивен, ты прямо как с луны свалился! Ну ладно, может, я и подделал пару счетов. Если ты насчет того, что я то-

гда слупил с тебя транспортные расходы за перевозку Гермеса в Хейдок, когда скачки были отменены из-за тумана... Ну да, на самом деле я его туда не посылал — он в то утро захромал и не мог участвовать в скачке. Ну так ведь тренер перехватывает где может. Работа такая. Тебя ведь это не разорило? Что тебе какие-то несчастные тридцать фунтов!

— Что еще? — спросил я.

Джоди явно успокоился. Его голос вновь сделался уверенным и в то же время льстиво-заискивающим.

— Ну... — протянул он. — Если тебя не устраивали суммы, указанные в счетах, что ж ты ко мне-то не обратился? Я бы сразу все уладил. Вовсе незачем было ни с того ни с сего лезть в бутылку.

«Ого!» — подумал я. Мне даже не приходило в голову проверить все статьи в ежемесячных счетах Джоди. А ведь каждая из них могла увеличивать общую сумму... Даже когда я был уверен, что Джоди меня обворовывает, я не подозревал, что это делается так просто.

— Что еще? — спросил я.

Он на миг отвел взгляд, потом, видимо, решил, что я все равно не могу знать всего.

— Ну ладно, ладно! — сказал он так, словно это признание было верхом великодушия. — Ты насчет Раймонда, что ли?

— В том числе.

Джоди виновато кивнул:

— Да, тут я, пожалуй, перегнул палку — брал с тебя за его работу дважды в неделю, хотя иногда он приходил только раз в неделю...

— А иногда и вообще не приходил.

— Ну что ты! — протестующе воскликнул Джоди. — Хотя... ну да, было дело... пару раз...

Жокей Раймонд Чайльд ездил на всех моих стиплерах на скачках и время от времени по утрам приезжал за пятьдесят миль на конюшню к Джоди, чтобы потренировать их в прыжках через препятствия. Джоди платил ему за работу и оплачивал расходы на дорогу и добавлял все это к моему счету. Весь июль он регулярно присылал мне счета за тренировки два раза в неделю, а недавно я совершенно случайно узнал, что никаких тренировок не было, потому что Раймонд был в отпуске в Испании.

— Ну подумаешь, десятка тут, десятка там, — убеждал меня Джоди. — Что от тебя, убудет, что ли?

— Лишняя десятка дважды в неделю в течение всего июля — это будет сто фунтов, — заметил я.

— О-о! — Джоди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. — Значит, ты в самом деле проверял...

— А ты как думал?

— Ну ты ведь такой беспечный! Всегда без вопросов оплачивал все счета...

— Больше не буду.

— Да, конечно... Слушай, Стивен, мне на самом деле очень жаль, что так получилось. Если я дам тебе слово, что никогда больше не буду с тобой мухлевать... Если я пообещаю, что впредь все счета будут точными... Почему бы нам не начать все сначала? Я ведь выиграл для тебя столько призов!

Джоди говорил совершенно серьезно, и раскаяние его казалось абсолютно искренним. Он был уверен, что я предоставлю ему еще один шанс. Галопом от признания к покаянию и к обещанию исправиться, а потом все будет как раньше!

— Поздно, — сказал я.

Это его не обескуражило. Он просто еще больше сделался похож на нашкодившего мальчишку, у которого на рожице написано: «Да, я был очень-очень плохим, но теперь, когда меня застукали, я сделаюсь настоящим ангелочком!»

— Да, я вел себя очень глупо. Но это, наверно, все из-за дополнительных расходов. Я ведь новую конюшню в кредит купил, и выплаты просто грабительские. А ведь я переехал туда только из-за тебя, ты же знаешь!

Ага, значит, это я виноват, что ему пришлось воровать!

— Я ведь предлагал выстроить несколько новых денников в старых конюшнях, — заметил я.

— Нет, это бы не пошло! — торопливо перебил Джоди.

На самом деле вся штука в том, что старые конюшни были простыми и скромными, а новые — откровенно роскошными. Во время переезда я еще удивлялся, как это Джоди может себе такое позволить. Теперь-то я знал как!

— Так что давай считать это предупреждением, ладно? — заискивающе попросил Джоди. — Я не хочу терять твоих лошадей, Стивен. Я тебе откровенно говорю, я их терять не хочу. Мы

ведь были добрыми друзьями все это время, верно? Если бы ты только сказал... понимаешь, если бы ты сказал: «Джоди, ты, сволочь такая, чего-то намудрил со счетами!..» Мы бы в момент все утрясли! А ты взорвался вот так, ни с того ни с сего, просто сказал, что забираешь лошадей... да еще после того, как Энерджайз так блестяще выиграл... Естественно, я вышел из себя. Признаюсь, было дело. Я наговорил много такого, чего говорить не следовало. Знаешь ведь, как это бывает, когда человек выйдет из себя.

Он улыбнулся совсем как в старые добрые времена, словно ничего не произошло. Словно мы не стояли в разбитом фургоне рядом со взмыленным и дрожащим Энерджайзом. Словно мое пальто не было разорвано и вымазано в грязи после слишком близкого соприкосновения со смертью.

— Стивен, ты же меня знаешь! — сказал Джоди. — У меня же характер — сущий порох!

Я не спешил отвечать. Джоди принял мое молчание за знак согласия с его объяснениями и извинениями и тут же вернулся к более насущным проблемам:

— Ну вот, для начала надо вывести отсюда нашего приятеля. — Он похлопал Энерджайза по крупу. — А пандус опустить нельзя, пока мы не отъедем от той, другой машины. — Джоди задумчиво цыкнул зубом. — Надо попробовать. Почему бы и нет?

Он выпрыгнул наружу и побежал к кабине. Я заглянул в кабину и увидел, как Джоди сел за руль, проверил рычаг передачи и нажал на стартер — решительный, деловой человек, способный разобраться с любой неловкой ситуацией.

Дизель взревел, мотор заработал. Джоди устроился поудобнее и осторожно дал задний ход. Фургон содрогнулся и остался на месте. Джоди надавил на акселератор.

Через ветровое стекло я видел, что к нам приближаются двое или трое людей. Лица у них были удивленные и разгневанные. Один из них вдруг бросился бежать к нам, размахивая руками, — классическая реакция человека, который возвращается на стоянку и обнаруживает, что его машина разбита.

Джоди не обратил на него внимания. Фургон раскачивался, разбитый бок кабины со скрежетом терся о помятого соседа. Энерджайз запаниковал.

— Джоди, прекрати! — крикнул я.

Он не обратил на меня внимания. Он еще прибавил оборотов, потом снял ногу с акселератора, потом снова вдавил его в пол. И так несколько раз.

Изнутри машины впечатление было такое, словно фургон раздирают пополам. Энерджайз заржал и принялся рваться с привязи, беспокойно переступая острыми копытами. Я не знал, как успокоить его, и не мог даже подойти поближе, чтобы похлопать лошадь — если это вообще могло его успокоить. Мои отношения с лошадьми всегда сводились к тому, что я любовался на них издали и угощал морковкой, когда они были надежно привязаны в деннике. Никто не учил меня, что нужно делать с впавшей в истерику лошадью, которая мечется рядом с вами в дергающейся консервной банке.

Еще один жуткий рывок, скрежет — и покалеченные машины наконец расцепились. Машина Джоди, более ничем не удерживаемая, рванулась назад. Энерджайз поскользнулся, присел на задние ноги, я тоже упал на пол. Джоди нажал на тормоза и выпрыгнул из кабины — прямо в объятия троих новоприбывших, один из которых был близок к апоплексии.

Я встал, обобрал с одежды клочки сена и посмотрел на свою четвероногую собственность, дымящуюся, взмыленную, перепуганную насмерть.

— Все в порядке, приятель, — сказал я.

Это прозвучало ужасно нелепо. Я улыбнулся, прокашлялся и начал снова:

— Остынь, старина. Худшее уже позади.

Энерджайз, похоже, не услышал. Я стал говорить ему, что он замечательный конь, что он только что блестяще выиграл скачку, что он скоро будет чемпионом и что он мне очень нравится. Я говорил, что скоро его закутают попоной и поставят в стойло где-нибудь поблизости, хотя я еще не знаю, где именно, но непременно договорюсь, и что кто-нибудь даст ему охапку самого дорогого сена и ведро очень дешевой воды и, наверно, еще овса и чего-нибудь такого. Я говорил ему, что очень жаль, но морковки у меня сейчас с собой нет, но в следующий раз я непременно угощу его морковкой.

Через некоторое время эта болтовня его, похоже, успокоила. Я похлопал его по шее. Шкура у него была на ощупь мокрая

и очень горячая. Он встряхнул головой и шумно фыркнул влажными черными ноздрями, но косить глазом перестал и дрожать тоже. Я внезапно увидел его новыми глазами: как личность, которая в то же время — лошадь.

Я осознал, что никогда прежде не оставался наедине с лошадьё. На самом деле это странно. Энерджайз ведь был уже двенадцатой принадлежащей мне лошадьё. Но владельцы скаковых лошадей обычно заходят к своим питомцам только на минутку и всегда в сопровождении тренера или конюха. А в основном они видятся с лошадьёми только в паaddocke, на глазах у всего света, да там, где лошадей расседлывают после скачки, снова в толпе друзей и знакомых, которые спешат поздравить победителя. Владельцы, которые сами верхом не ездят, — как я, например, — редко проводят в обществе своих лошадей больше пяти минут подряд.

Сейчас, в этом фургоне, я провел вместе с Энерджайзом больше времени, чем за все пять месяцев, что я им владел.

А у Джоди явно были проблемы. Один из мужчин привел полисмена, и тот что-то деловито писал в своем блокноте. Интересно, свалит ли Джоди вину на меня? Если он все еще надеется, что мои лошади останутся у него, он постарается это замаять. Ну а если он поймет, что я все-таки их забираю, он изойдет ядом! Я, улыбаясь про себя, тихо обсуждал все это с Энерджайзом.

— Сам не знаю, — говорил я ему, — почему я до сих пор не сказал Джоди, что мне известно о другом его обмане. Но пока что оно обернулось к лучшему. Понимаешь, ведь все эти мелкие проделки, в которых он признался, не более чем пена.

Энерджайз успокоился и устало опустил голову. Я смотрел на него с сочувствием.

— Речь ведь идет не о нескольких сотнях фунтов, — сказал я. — А о тридцати пяти тысячах.

ГЛАВА 2

Владелец разбитой машины принял мои извинения, вспомнил, что его машина застрахована, и решил в суд на нас не подавать. Полисмен вздохнул, перечеркнул свои записи и удалился. Джоди опустил пандус своего фургона, вывел Энерджайза и по-

спешно увел его в сторону конюшен. А я подобрал свой бинокль, снял пострадавшее пальто и задумчиво направился в весовую.

Целых десять минут все было тихо-спокойно — до тех пор, пока Джоди вернулся из конюшни и обнаружил, что я своего распоряжения насчет него не отменил.

Он нашел меня в небольшой толпе, стоявшей на веранде перед весовой.

— Эй, Стивен! — начал он. — Ты, видно, забыл им сказать, что я по-прежнему на тебя работаю!

Он не проявлял ни малейшего беспокойства — только легкое раздражение по поводу моей забывчивости. На миг я готов был сдаться при мысли о том, какая буря сейчас разразится. И снова принялся малодушно убеждать себя, что он ведь действительно хороший тренер и мои лошади действительно время от времени берут призы... Я мог бы просто внимательно следить за счетами, так, чтобы он знал об этом... А что до всего остального... Легко ведь можно сделать так, чтобы в будущем меня не обкрадывали...

Я набрал воздуха в грудь. Теперь или никогда!

— Я не забыл, — медленно произнес я. — Я своего решения не отменял. Я забираю лошадей.

— Чего?!

— Я их забираю.

Неприкрытая ненависть, отразившаяся на его лице, потрясла меня.

— Ублюдок!

Люди начали оборачиваться в нашу сторону.

Джоди выкрикнул еще несколько нелюбезных эпитетов, очень громко и отчетливо. Я краем глаза заметил, как вокруг запорхали белые блокнотики репортеров, и решился пустить в ход единственное, что могло заставить Джоди заткнуться.

— Сегодня я ставил на Энерджайза на тотализаторе.

— Ну и что? — тут же ответил Джоди, прежде чем до него дошло, что это может значить.

— Я закрываю свой счет у Дженсера Мэйза.

У Джоди был такой вид, словно он готов меня растерзать, но он снова не спросил почему. Он стиснул зубы, покосился на репортеров — на этот раз он был им явно не рад — и прошипел очень тихо и угрожающе:

— Если ты что-то скажешь, я подам на тебя в суд за клевету!

— За оскорбление личности, — автоматически поправил я.

— Чего?

— Клевета — это то, что распространялось письменно, а оскорбление наносится устно.

— Короче, если ты что-нибудь скажешь, я тебя привлеку!

— Ты настоящий друг! — заметил я.

Глаза Джоди сузились.

— Для меня было большим удовольствием нагреть тебя как можно круче!

Наступила тяжелая пауза. Я внезапно проникся отвращением к скачкам и подумал, что лошади никогда уже не будут доставлять мне такого удовольствия, как раньше. Три года простодушной радости развеялись, как дым.

В конце концов я просто сказал:

— Энерджайза оставь здесь. О перевозке я позабочусь.

Джоди с каменным лицом развернулся на каблуках и скрылся в весовой.

С перевозкой проблем не было. Я договорился с молодым шофером, владельцем транспортного предприятия, состоящего из одной машины — его собственной, что он заберет Энерджайза в свою конюшню, а на следующий день отвезет его к тренеру, которого я подыщу.

— Темно-гнедой конь. Почти черный, — сказал я. — Сторож вам скажет, в каком он деннике. Конюха при нем, скорее всего, нет.

Оказалось, что шофер, он же владелец фирмы, может подыскать и конюха, чтобы тот присматривал за Энерджайзом.

— Все с ним будет в порядке, — сказал он. — Не тревожьтесь.

Он привез на ипподром еще двух лошадей, одна из которых участвовала в последней скачке, и пообещал мне, что вернется, когда отвезет ее в конюшню, где-то через час после окончания скачек. Мы обменялись телефонами и адресами и ударили по рукам.

Потом я — скорее из вежливости, чем потому, что мне хотелось посмотреть остальные заезды, — вернулся в ложу, принадлежащую человеку, который перед тем угощал меня ланчем и вместе со мной любовался победой моей лошади.

— Стивен, где же вы были? А мы вас ждали, чтобы отметить победу!

Чарли Кентерфильд, хозяин ложи, встретил меня с распростертыми объятиями, с бокалом шампанского в одной руке и сигарой в другой. Еще восемь или десять гостей сидели за большим столом, застеленным белой скатертью, на которой теперь вместо остатков ланча красовались полупустые бокалы с шампанским, программки сегодняшних скачек, бинокли, перчатки, сумочки и билетки от букмекеров. В воздухе витал слабый аромат гаванских сигар и хорошего вина, а за плотно закрытой стеклянной дверью находился балкон, с которого открывался вид на ипподром, продуваемый декабрьским ветром.

Четыре заезда были позади, оставалось еще два. Середина дня. Промежуток между кофе с коньяком и чаем с пирожными. Все довольные и веселые. Уютная комнатка, дружеская болтовня с легким налетом снобизма.

Милые, порядочные люди, которые никому не делают ничего плохого.

Я вздохнул про себя и ради Чарли постарался изобразить хорошее настроение. Я пил шампанское и выслушивал поздравления по поводу блестящей победы Энерджайза. Мы все ставили на него... Дорогой Стивен, какая удача... Какой замечательный конь... Какой замечательный тренер этот Джоди Лидс...

— Угу, — ответил я довольно сухо. Но этого никто не заметил.

Чарли предложил мне сесть на пустой стул между ним и дамой в зеленой шляпке.

— На кого бы вы поставили в этой скачке? — поинтересовался он.

Голова у меня была абсолютно пуста.

— Я не помню, кто участвует в этом заезде.

Чарли немедленно сменил тон. Я и раньше замечал за ним такое: мгновенная реакция на новые обстоятельства. Видимо, в этом и крылся ключ к его колоссальному деловому успеху. Он мог лениво сидеть в кресле, добродушно потягивать сигару и раскататься воздушным пудингом, но разум его непрерывно работал.

Я криво улыбнулся.

— Давайте пообедаем вместе, — предложил Чарли.

— Сегодня вечером?

Он кивнул.

Я поразмыслил.

— Давайте.

— Хорошо. Скажем, в «Парксе», на Бошам-плейс, в восемь.

— Договорились.

Мы с Чарли уже несколько лет были чем-то средним между хорошими знакомыми и друзьями. Мы радовались друг другу при случайных встречах, но нарочно не встречались. Сегодня он впервые пригласил меня в свою ложу. Приглашение на обед означало окончательный переход на новый уровень.

Пожалуй, он мог неправильно истолковать мою рассеянность. Но я все равно хорошо к нему относился, а потом, ни один человек в здравом уме не станет отказываться от обеда в «Парксе». Надеюсь, ему не придется пожалеть о пропавшем впустую вечере...

Гости Чарли понемногу принялись разбегаться — они отправились делать ставки на следующую скачку. Я взял забытую на столе программку и понял, почему Чарли так интересовался моим мнением: в этой скачке с препятствиями участвовали двое из лучших фаворитов, и газеты обсуждали ее уже в течение нескольких дней.

Я поднял голову и встретился взглядом с Чарли. В глазах у него было любопытство.

— Ну, так который из двух?

— Крепитас.

— Вы на него ставите?

Я кивнул:

— Уже поставил. На тотализаторе.

Чарли фыркнул:

— Я предпочитаю букмекеров. Чтобы заранее знать, сколько я получу в случае выигрыша. — Если учесть, что его ремеслом были банковские инвестиции, это было вполне логично. — Только сейчас мне неохота спускаться вниз.

— Могу поделиться с вами своей ставкой.

— А сколько вы поставили? — осторожно спросил Чарли.

— Десять фунтов.

Он рассмеялся:

— А ходят слухи, что вы мыслите исключительно в пределах трех нулей!

— Это профессиональная шутка, — сказал я. — Ее неправильно понимают.

— А что имеется в виду?

— Я иногда пользуюсь прецизионным токарным станком. Он позволяет установить точность в пределах трех нулей — после запятой. Ноль-ноль-ноль-один. Одна десятитысячная дюйма. Это мой лимит. Большая точность мне недоступна.

Чарли хмыкнул:

— А на лошадей вы тысячами не ставите?

— Бывало пару раз.

На этот раз он явно расслышал сухость в моем голосе. Я небрежно встал и направился к стеклянной двери, ведущей на балкон.

— Они уже выходят на старт, — сказал я.

Чарли молча вышел на балкон вслед за мной, и мы стояли рядом и смотрели, как две звезды заезда, Крепитас и Уотербой, гарцуют мимо трибун, сдерживаемые своими жокеями.

Чарли был чуть ниже меня, гораздо плотнее и лет на двадцать старше. Он носил превосходные костюмы так, словно привык к ним с детства, и никто, слыша его мягкий, густой голос, не догадался бы, что его отец был водителем грузовика. Чарли никогда не скрывал своего происхождения. Напротив, он гордился им, и гордился по праву. В согласии со старой образовательной системой его послали в Итонский колледж, как мальчика из местного округа, на деньги муниципального совета, и Чарли сумел наряду с образованием приобрести там также правильное произношение и светские манеры. Его золотая голова несла его по жизни, как волна несет умелого пловца, и то, что он родился под самыми стенами знаменитого учебного заведения, вряд ли было такой уж случайностью.

Другие его гости тоже вышли на балкон, и Чарли переключился на них. Я их плохо знал — в основном в лицо — и кое о ком что-то слышал. Для случайной встречи вполне достаточно, для более близкого знакомства маловато.

Дама в зеленой шляпке коснулась моей руки зеленой перчаткой:

— Уотербой выглядит чудесно, не правда ли?

— Чудесно, — согласился я.

Она широко улыбнулась мне, близоруко щурясь из-за толстых очков.

— Вы не могли бы сказать, сколько предлагают сейчас за них букмекеры?

— Пожалуйста.

Я поднял бинокль и навел его на таблички букмекеров, сидящих перед трибунами чуть справа от нас.

— Насколько я вижу, Уотербой — один к одному, Крепитас — пять к четырем.

— Вы так любезны! — тепло ответила дама в зеленом.

Я перевел бинокль чуть дальше и нашел Дженсера Мэйза. Он стоял в середине ряда букмекеров, толпившихся вдоль перил, отделяющих трибуны для участников от общих мест. Худощавый человек среднего роста, с крупным острым носом, в стальных очках, с манерами епископа. Он никогда мне особенно не нравился, и беседовали мы исключительно о погоде. Но я ему полностью доверял — а это было очень глупо.

Он стоял, опираясь на перила, опустив голову, и беседовал с кем-то, находившимся на трибунах для участников. Его собеседника загораживала от меня толпа народа. Потом толпа рассосалась, и я увидел, что беседует он с Джоди.

Вся фигура Джоди выражала крайнюю степень раздражения. Он что-то яростно говорил Дженсеру. Дженсер отвечал ему скорее успокаивающе. Когда Джоди сердито махнул рукой и удалился, Дженсер поднял голову и проводил его взглядом, с лицом скорее задумчивым, чем озабоченным.

Дженсер Мэйз достиг той стадии в карьере букмекера, когда удачливый одиночка превращается в главу крупной и уважаемой фирмы. Для игроков Дженсер Мэйз был уже не человеком, а учреждением. К югу от Глазго существовало множество букмекерских контор, носящих его имя, и недавно он объявил, что во время следующего сезона будет спонсировать скачки на короткую дистанцию для трехлеток.

Тем не менее на больших скачках он по-прежнему стоял в ряду букмекеров, чтобы лично разговаривать с самыми богатыми клиентами и не позволять другим букмекерам их переманивать. Чтобы вовремя раскрывать свою акулью пасть и заглатывать новых неосторожных рыбешек.

Я поморщился и опустил бинокль. Я, наверно, никогда не узнаю, на какую сумму меня обокрали Джоди с Дженсером. Что до моего самоуважения, от него они оставили только жалкие крохи.

Скачка началась. Суперскакуны боролись не на жизнь, а на смерть, и Крепитас обошел Уотербоя на целый корпус. На тотализаторе мне должны были выплатить небольшую сумму за него и довольно значительную — за Энерджайза. Но двух выигрешей в один день было недостаточно, чтобы развеять мое уныние. Я отказался от чая с пирожными, поблагодарил Чарли за ланч, простился с ним до вечера и спустился к весовой, посмотреть, не осенит ли меня вдохновение насчет нового тренера.

Кто-то догнал меня сзади и схватил за руку:

— Слава богу, я вас нашел!

Это был молодой шофер, которого я нанял, чтобы перевезти Энерджайза. Запыхавшийся и очень озабоченный.

— В чем дело? Фургон сломался?

— Нет... Слушайте, вы сказали, что ваша лошадь черная, да? В смысле, я ничего не напутал?

— Что с ним?! — Пожалуй, от волнения мой голос сделался чересчур резким.

— Ничего... по крайней мере... с ним — ничего. Но только лошадь, которую оставил мне мистер Лидс, — это рыжая кобыла.

Я отправился с ним в конюшню. Сторож по-прежнему улыбался, довольный тем, что у кого-то что-то не так.

— Ну да, — с удовольствием подтвердил он. — Лидс уехал с четверть часа тому назад в наемном фургоне и увез одну лошадь. Сказал, его собственный фургон разбился, а Энерджайза он оставляет по распоряжению владельца.

— Лошадь, которую он оставил, — не Энерджайз! — сказал я.

— Ну а я чего сделаю? — с достоинством возразил сторож.

Я обернулся к молодому человеку:

— Рыжая кобыла с большой белой проточиной?

Он кивнул.

— Это Асфодель. Она участвовала в первом заезде. Ее тренирует Джоди Лидс, но она не моя.

— И что же мне с ней делать?

— Оставьте ее здесь, — сказал я. — Мне очень жаль. Пришлете мне счет за руды.

Шофер улыбнулся и сказал, что я ему ничего не должен. Это почти восстановило мою веру в человечество. Я поблагодарил его за то, что он меня разыскал. Мог бы ведь по-тихому увезти

эту кобылу, а потом прислать мне счет. Молодой человек был шокирован моим цинизмом. Я подумал, что до знакомства с Джоди я таким не был.

Джоди все-таки забрал Энерджайза.

Я полыхал медленным гневом. Злился я отчасти на себя самого. Как я этого не предусмотрел? Ведь если он был готов заставить Энди-Фреда переехать меня, первая неудача наверняка бы его не остановила! Он твердо решил взять надо мной верх и увезти Энерджайза к себе. Я недооценил его кровожадность и его наглость.

Нет, вряд ли мне удастся так легко избавиться от Джоди. Я вернулся к своей машине и уехал с ипподрома, думая только о том, какого тренера мне нанять и как скоро мне удастся перевезти своих лошадей на новое место.

Мы сидели за золотистым полированным деревянным столом. Чарли улыбнулся мне и отодвинул пустую кофейную чашку. Его сигара была наполовину докурена, портвейн наполовину допит, и в животе у него покоился обед, приготовленный в одном из лучших ресторанов Лондона.

Интересно, как он выглядел в молодости, до того, как обзавелся солидным брюшком и двойным подбородком? Крупные бизнесмены лучше смотрятся, когда они немного полноваты. Тощие и голодные — это новички, энергичные начинающие. А Чарли набирал мудрость и зрелость с каждым фунтом лишнего веса.

У него были прямые седеющие волосы, поредевшие на макушке и зачесанные назад по бокам. Глубоко посаженные глаза, крупный нос, плотно сжатые губы. Лицо не слишком приятное, но запоминающееся. Однажды встретившись с Чарли, люди потом его обычно узнавали.

Он пришел один. Ресторан, который он выбрал, состоял из нескольких небольших зальчиков, по три-четыре столика в каждом, так что там легко было уединиться. Чарли весь вечер говорил о скачках, о еде, о премьер-министре, о состоянии биржевого рынка, но так и не сказал, зачем он меня позвал.

— У меня такое впечатление, — добродушно заметил он, — что вы чего-то ждете.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОКИЕ СТАВКИ <i>Перевод А. Хромовой</i>	5
РЕФЛЕКС ЗМЕИ <i>Перевод Н. Некрасовой</i>	205
БАНКИР <i>Перевод А. Хромовой</i>	469

Фрэнсис Д.

Ф 93 Высокие ставки ; Рефлекс змеи ; Банкир : романы / Дик Фрэнсис ; пер. с англ. А. Хромовой, Н. Некрасовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-20892-6

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира.

В сборник вошли романы «Высокие ставки» (1975), «Рефлекс змеи» (1980) и «Банкир» (1982).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДИК ФРЭНСИС
ВЫСОКИЕ СТАВКИ
РЕФЛЕКС ЗМЕИ
БАНКИР

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Людмила Дубовая, Ольга Золотова,
Елена Терскова, Лариса Ершова

Подписано в печать 28.02.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ILD-29807-01-R